

менных условиях сильно видоизменились.

Заключение содержит убедительные выводы о категории количества в эрзянском языке.

Особо хотелось бы отметить четкое изложение как теоретических, так и практических разделов исследования.

Результаты исследования могут быть использованы при написании вузовских учебных пособий по эрзянскому языку для раздела функционально-семантической категории количества в морфологии и синтаксисе, а также при чтении спецкурсов и спецсеминаров.

Н. И. РУЗАНКИН (Саранск)

А. В. Байдак, *Глагольное управление в селькупском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Томск 2001. 135 с.*

Е. В. Зырянова, *Структура селькупского глагольного слова в синхронии и диахронии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Томск 2001. 154 с.*

14 декабря 2001 года на заседании вновь открытого диссертационного совета К 212.266.02 при Томском государственном педагогическом университете состоялась защита двух кандидатских диссертаций — Александры Владимировны Байдак и Екатерины Владимировны Зыряновой. Обе работы защищались по специальности 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (селькупский язык)». Работа А. В. Байдак выполнена под научным руководством доктора филологических наук профессора В. В. Быкова. Официальными оппонентами были доктор филологических наук профессор А. И. Кузнецова и кандидат филологических наук доцент И. А. Ильяшенко. Работа Е. В. Зыряновой осуществлена под руководством доктора филологических наук профессора Н. Г. Кузнецовой. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор А. И. Кузнецова и кандидат филологических наук доцент Е. И. Мартынова.

В последнее десятилетие, после временного затишья в изучении южных диалектов селькупского языка, в Томской лингвистической школе вновь наблюдается большое оживление в этой области. Особое внимание, начиная с 1990-х годов, уделяется грамматике, а в ней — морфологии в большей мере, чем

синтаксису, оставшемуся до последнего времени в тени. Данный пробел частично восполняет рецензируемая работа А. В. Байдак, посвященная мало исследованному в селькуповедении вопросу глагольного управления. Автор пытается выявить специфику глагольного управления, осуществляемого синтетическим и/или аналитическим способами — посредством падежей и послелогов, на примере 200 глаголов, относящихся к различным лексико-семантическим группам селькупского языка.

Работа включает введение, три главы, заключение, список литературы и приложение, представляющее в табличном виде перечень всех исследованных глаголов с их переводом на русский язык и синтетические и аналитические средства управления.

Глава I о месте управления в системе подчинительных связей в селькупском языке (с. 12—34) содержит четыре параграфа, два из которых представляют собой обзор литературы, касающейся подчинительных связей и управления в общетеоретическом плане, в основном, правда, на материале русского языка, а два других рассматривают те же вопросы, но применительно к самоедологии. В конце первого параграфа (с. 15) автор указывает на попытки пересмотра рубрикации подчинительных

связей (согласования, управления и примыкания), ссылаясь, в частности, на выделение в ряде языков наряду с тремя упомянутыми другими типами связи, таких, как соположение, изафет и отражение, не оговаривая, что и соположение, и некоторые изафетные конструкции характерны для большинства уральских языков (в том числе и для селькупского), а не только для перечисленных тюркских, индоевропейских, арабских, тунгусо-маньчжурских и упомянутых мансийского и саамского из уральской семьи языков. Завершается данная глава утверждением, что «грамматическое оформление зависимого компонента определяется лексико-грамматическими свойствами главного компонента», анализ которых А. В. Байдак и дает в следующей главе.

В главе II (с. 35—74), являющейся центральной в диссертации, устанавливаются лексические группы и подгруппы глаголов, управление которых рассматривается в работе. К сожалению, выделенные лексико-семантические группы оставляют желать лучшего. Судя по всему, автор совершенно не знаком с историей появления (уже 2000 лет назад!) первых тезаурусов, с разработкой составления тематических словарей различных видов в средние века, а затем на протяжении XIX—XX вв. При выделении на собственном материале лексических групп глаголов было бы полезно посмотреть, как составлялись подобные тематические словники в общетеоретическом плане (обзор их, напр., см. В. В. Морковкин, Идеографические словари. Москва 1970; практические разработки для русского языка, напр., Лексическая основа русского языка: комплексный учебный словарь. Под ред. В. В. Морковкина, Москва 1984 и др.), и какие делались и делаются попытки составить такие словарики для разных уральских языков. При этом надо иметь в виду, что глагольная лексика всегда вызывает больше затруднений при ее лексико-семантической классификации, чем именная. Более или менее бесспорными являются выделенные автором группы «глаголов движения», «эмотивных глаголов», «глаголов звучания (речи, говорения)», но

множество вопросов напрашивается при отнесении того или иного глагола в группы «воздействие на объект», «перемещение, помещение объекта», «созидательная деятельность». При этом не ясно, учитывается ли, что один и тот же глагол может попасть в разные группы по разным своим значениям. Почему, напр., глагол *pergi* '(по)стряпать' считается глаголом созидательной деятельности (с. 54—56), а не воздействия на объект (каковым может быть еда хлеб, мука и т.д.; то же можно сказать о *wiŋi* 'сделать' и др.). Почему глаголы со значениями 'почистить, вымыть, нарезать' (с. 39) отнесены к глаголам воздействия на объект, а не к созидательной или просто полезной деятельности (нарезать хлеб для еды (с. 42), почистить рыбу или одежду и т.д.). Если есть созидательная деятельность, то почему не быть и разрушительной? Тогда глаголы типа *kaŋaŋgi* 'разворотить, развалить', *paŋaŋgi* 'сломать' (с. 39) и т.п. могли бы быть изъяты из группы «воздействие на объект» и помещены в группу «разрушительной деятельности». Короче говоря, нет четких критериев выделения лексических групп глаголов, от которых, по словам А. В. Байдак, зависит и управление (с последним трудно не согласиться).

Обращает на себя внимание странное смешение русских названий падежей (это объяснимо тем, что автор в своем исследовании за основу падежной системы берет работу Э. Г. Беккер, в книге которой падежи имеют русские наименования) и обилием заимствованных, нередко связанных с теми же падежами: адлокативная, делокативная позиция, делиберативный объект, фабрикатив и т.д. В приложении (с. 124) все актантные роли (за исключением «инструментных», к которым отнесен и фабрикатив) в таблице даны в терминах синтаксиса Л. Теньера, т.е. в греко-латинской традиции. Следовало бы установить единообразие в подаче лингвистической терминологии.

Интересно задуманная глава, к сожалению, не подытожена. Хотелось бы знать, одинаково ли в разных диалектах в одних и тех же группах слов гла-

гольное управление или есть различия; но тогда встанет вопрос, от чего зависят эти различия в управлении. Прекрасные таблицы в приложении не обработаны ни с точки зрения падежных форм, ни с точки зрения их корреляции с семантикой глагола и их роли в предложении. Ничего не говорится в данной главе о соотношении одновалентных и двухвалентных глаголов в объеме исследуемого материала в целом и о том, есть ли взаимосвязь в этом вопросе с семантикой глаголов.

Глава III (с. 75—99) посвящена изучению «глагольного управления посредством послелога в селькупском языке». В разных параграфах рассматривается послеложное управление с теоретической точки зрения (на самом деле не являющейся общей) и управление глаголов посредством собственно послелога и посредством серийных послелогов. Как и в предыдущей главе, здесь отмечаются достаточно многочисленные случаи варьирования средств управления (падежа и послелога), в том числе послелога, оформленного суффиксом падежа, с которым он варьируется. Особо автор останавливается на широко распространенных в селькупском языке серийных послелогах. В данной главе встречаются удачные вкрапления исторического характера, почерпнутые из работ М. А. Кастрена, Э. Г. Беккер, Е. А. Хелмского.

В главе III меняется метод изложения материала: автор идет не от значения глаголов, как в главе II, а от формы послелога, участвующих, насколько позволяют судить примеры, в управлении глаголов движения, речи, эмоций. Возникают и другие смысловые группы глаголов (которым вряд ли найдется место в выделенных ранее лексико-семантических полях), как, например, глаголы со значением 'свататься; ждать' (с. 83). При анализе послеложного управления речь идет уже о значениях, передаваемых самими послелогами: причинном, временном, целевом, пространственным. Автор учитывает также многозначность глаголов. В пределах группы движения А. В. Байдак опирается на принцип взаимосвязанности семантики и уп-

равления и распределяет глаголы по двум группам — направленного и ненаправленного движения. Этот параграф богато иллюстрирован примерами, как и следующий, в котором рассматривается управление стативных глаголов. Что касается семантических групп, выделенных в главе II и получивших в ней названия 'глаголы созидательной деятельности; глаголы со значением воздействия на объект' и др., то, можно думать, с ними послелоги не встречаются, что следовало бы подчеркнуть, если это действительно так.

В заключении (с. 100—102) автор выходит на хороший уровень научных обобщений и говорит о тех основных моментах, которые учитывались при исследовании глагольного управления, а именно: существуют 1) синтетические и аналитические средства выражения зависимого компонента падежа и послелога; 2) обязательность связи управляемого слова с управляющим, в одних случаях, и факультативность, в других; 3) допустимость или недопустимость вариативности управления, что связано с причинами, их вызывающими; 4) предсказуемость или, наоборот, непредсказуемость управления, зависящая от принадлежности глаголов к определенной семантической группе. Засвидетельствовав многообразие возможностей различного грамматического оформления управления у одного глагола, А. В. Байдак объяснила это несколькими причинами — интерференцией синтаксических структур из русского и тюркских языков, значительными диалектными различиями и отсутствием у селькупов литературного языка, иначе говоря, его ненормативностью.

Работа Е. В. Зыряновой посвящена вопросам, связанным с понятием структуры глагола (глагольного слова, в терминологии автора рецензируемой работы) и отклонений в ней от типичного агглютинативного образца, сильно затрудняющего членение слова на морфемы. Эти проблемы с давних пор привлекали внимание лингвистов. К их решению Е. В. Зырянова подошла с историко-этимологической точки зрения, рассматривая структуру селькуп-

ского глагола в динамике. В последние десятилетия, когда интерес лингвистов сместился в сторону типологических исследований, изучение структуры слова и адекватного описания морфем с точки зрения их содержания становится особенно актуальным для исчезающих языков, к каковым относится и селькупский язык.

Замысел автора «дать описание структуры селькупского глагольного слова в синхронии и диахронии как основание для разработки вопросов типологической характеристики языка» (с. 5) реализуется в трех главах.

Глава I (с. 9—53) «Структура селькупского глагольного слова в синхронном плане» состоит из четырех параграфов, в которых описывается структура селькупских глаголов; дается общая характеристика аффиксов, входящих в эту структуру; исследуются сложные форматы селькупских глагольных словоформ и особенно подробно анализируются фонологические процессы при взаимодействии селькупских аффиксов с глагольными основами, т. е. рассматривается морфология формо- и словообразования селькупского глагола. Особенно тщательно проштудированы морфологические изменения, к которым относятся чередования и элизия конечных гласных в глагольных основах; наращение глагольных основ за счет десемантизированных элементов «расширителей» (что наблюдается при образовании некоторых способов глагольного действия); сокращение долготы гласных в корне, встречаемое в некоторых диалектах (напр., в тазовском и кетском). В области консонантных изменений автор обращает внимание на геминацию одиночных согласных основ на границе первого и второго слогов и на ослабление согласных в тех же позициях и т. д. Говоря о грамматических значениях глагола, Е. В. Зырянова подчеркивает, что они могут быть выражены как синтетически, так и аналитически. Последнее обстоятельство, видимо, и дает ей основание называть глагол глагольным словом, что нигде специально не оговаривается и не определяется, но вытекает из анализа аналитических построений. Примеры, приводи-

мые автором и касающиеся параллелизма в передаче одного и того же грамматического значения глагола разными синтетическими и синтетическими и аналитическими способами, очень интересны и без труда могут быть преумножены.

В главе II (с. 54—74) «Изменения морфемной структуры селькупского глагольного слова» описывается опрощение и морфемное перераспределение в рамках селькупского глагола, которые типичны для языков флективных и наличествуют в языках агглютинативных. Правда, несколько сомнительной выглядит попытка автора ввести правила и определения производящих и связанных основ отдельно для глагола и для имени, поскольку, если принять такое утверждение, это будет означать, что для имени и глагола существуют специфичные именные и глагольные корни (свободные или связанные), что заведомо не так, по крайней мере, для синхронного состояния языка. В языках (в том числе, и в селькупском) сплошь и рядом мы находим глаголы, образованные от имени и, наоборот, имена — от глаголов. В разных местах своего исследования автор приводит противоречащие друг другу примеры касательно свободных и связанных корней (напр., *qaly* и *qalytytygo*, *pakty* и *paktygo*). Это вызвано тем, что Е. В. Зырянова все время, говоря о морфемной структуре слова, соотносит ее с процессом словообразования, тогда как в языковом сознании носителей языка образование нового конкретного слова никак не связано с морфемным строением слова, в котором могли уже произойти явления опрощения и перераспределения, устанавливаемые лишь при научном анализе слова лингвистом. Носитель языка, как правило, не осмысляет морфемную структуру слова, уже имеющую иногда в своем составе несколько морфем, а ориентируется только на ту форму, которую воспринимает самой близкой по смыслу к образуемому им слову. Кроме того, само опрощение нередко происходит на разных этапах языка и не обязательно лишь в донсторический период (что не учитывается автором работы). Пересмысление структуры слова возможно и, действительно, часто происходит под влиянием многих

факторов в синхронном срезе языка, о чем Е. В. Зырянова (= Е. В. Кузьмина) в соавторстве с Н. Г. Кузнецовой писала в статье «Изменение морфемной структуры селькупского глагольного слова» (LU XXXVI 2000, с. 195 и др.). В качестве примеров опрошения автор обращается к селькупским суффиксам, образующим своеобразные морфемные блоки, возникшие в результате аналогических процессов. При постоянном порядке следования определенных суффиксов они в какой-то момент начинают восприниматься как единый суффикс, но для того, чтобы говорить про такой суффиксальный блок, будто он испытал опрошение, необходимо, чтобы в этом случае компоненты нового суффикса не употреблялись по отдельности и чтобы произошло изменение значения всего блока в целом. Между тем, автор нигде не рассматривает дистрибуцию всех изучаемых акциональных показателей с точки зрения не только допустимых, но и запрещенных порядков следования, и не только в плане выражения, но и в плане содержания. Ранжирование же суффиксов в сфере акциональной деривации, пунктирно намеченное пока для северных диалектов селькупского языка, имеет особую значимость для типологических исследований.

Последняя, глава III (с. 75—123), названная «Явления формально-содержательной асимметрии в рамках селькупского глагольного слова», посвящена большому кругу проблем, среди которых обсуждается проблема оморфемности селькупских именных и глагольных основ. Омонимия этих основ является «продуктом конверсии как способа образования глаголов от имен» (с. 81), что, впрочем, не доказывается в работе на конкретном материале. К сожалению, о самом материале (его достоверности, объеме, территориально-диалектном распределении, об отношении его к разным историческим эпохам, в том числе и к реконструируемым этимологами, о частоте встречаемости и продуктивности разных форм и т.д.) нигде ничего конкретного не говорится. Известно только, что он собран из многих разных источников различного качества, хотя последнее так-

же нигде не оговаривается. Весь этот разнородный материал рассматривается как единое целое, на фоне которого даются отдельные сведения историко-этимологического характера, почерпнутые из работ М. А. Кастрена, Ю. Янхунена и др. В результате при сравнении в дальнейшем таких языковых явлений, как вариативность, синонимия, омонимия и полисемия глагольных аффиксов, в дополнение к которым автор использует еще термины синтетосемия, синкретизм, кумуляция и т.п., остается неясным, какие явления и к какому периоду следует отнести, и как сами они различаются между собой: так, процесс переразложения относится не только к диахронии (см. с. 125), но и к синхронии, как и явления омонимизации суффиксов или их вариативности и т.п. Точно так же автор говорит, что «м о ж н о п р е д п о л а г а т ь (вместо того, чтобы попробовать доказать свое утверждение! Выделено мною — А. К.) в диахронии иное морфемное членение» (с. 120). Особенно туманно сказано о различении полисемии и варьирования в плане содержания, что, судя по всему, следует делать на основании языкового чутья (но ведь этот критерий не применим для не носителя селькупского языка).

Языковое чутье упомянуто здесь не случайно. О нем говорится в другой связи на с. 113—114, когда автор дает «краткие сведения о полисемии в общетеоретическом плане». Такие параграфы предваряют во всех главах все микроразделы работы: краткие сведения об опрошении в общетеоретическом плане (с. 54—56); краткие сведения о морфемном переразложении в общетеоретическом плане (с. 59); краткие сведения об омонимии (с. 79—80), синонимии (с. 95—98), полисемии (с. 112—114) в общетеоретическом плане; вопросы языковой асимметрии в общетеоретическом плане (с. 75—78). Дать широкий фон очень хорошо, но почему это делать на с л у ч а й н о й выборке по индоевропейским и — еще уже — русским работам, содержащим нередко ошибки, давно признанные таковыми? Соответственно в библиографии (почти 300 названий) собственно финно-угорская литература (в которой

хорошо представлены труды по селькупскому языку) составляет чуть более 30%, что само по себе немало для кандидатской работы.

Суровость сделанных замечаний не означает, что работа не представляет никакой ценности. Скорее наоборот: «замахнуться» разом на такое огромное количество вопросов может только человек, заинтересованный в их решении (если не сейчас, то в недалеком будущем), склонный к научной работе, умеющий увидеть то, чего другие не замечали и проходили мимо. Е. В. Зырянова в своей работе

впервые обратила внимание на многие вопросы, ранее оставшиеся в тени, и четко сформулировала положение о том, каким образом в селькупском языке в рамках глагола происходит нарушение однозначности и стандартности глагольных аффиксов и возникает тенденция, противоположная доминирующей агглютинативной, тенденция флективная. Работа дает материал для дальнейших обобщений и размышлений, касающихся развития селькупского языка в эпоху, засвидетельствованную исторически, а не в период, реконструируемый гипотетически.

А. Н. КУЗНЕЦОВА (Москва)

Nordselkupisches Wörterbuch von F. G. Maľcev (1903). Herausgegeben von Eugen Helinski und Ulrike Kahrs, Hamburg 2001 (Hamburger Sibirische und Finnisch-Ugrische Materialien 1). 165 S.

Unser Kollege Eugen Helinski hat über mehrere Jahrzehnte fleißig handschriftliche Aufzeichnungen der samojedischen Sprachen gesammelt. Dies tat er vor allem in Archiven und seine Suche hat sich gelohnt. Das Gesammelte wurde analysiert, systematisiert und mit Kommentaren versehen publiziert. Das von ihm zusammengetragene und veröffentlichte Material stellt eine wesentliche Bereicherung unserer Kenntnisse über das Samojedische dar. Diese Feststellung trifft auch auf das zu besprechende Werk zu, das er in Zusammenarbeit mit Ulrike Kahrs als Band 1 der neuen Reihe handschriftlicher Materialien "Hamburger Sibirische und Finnisch-Ugrische Materialien" des Instituts für Finno-ugristik/Uralistik der Universität Hamburg herausgegeben hat. Der Blick auf das Inhaltsverzeichnis dieses Bandes führt uns gleich das Wesentliche vor Augen: I. Einleitung; II. Dialektologische Bemerkungen: Nordselkupisch nach Maľcev im Vergleich zu den Dialekten am Tas, Oberen Tas, Turuchan und Jenissej; III. Maľcevs Wörterbuch mit nordselkupischen Entsprechungen; IV. Verzeichnis der nordselkupischen Entsprechungen zu den Formen in Maľcevs Wörterbuch; V. Verzeichnis der Bedeutungen (zu den

Wortartikeln in Teil III); VI. Anonyme nordselkupische Aufzeichnungen aus G. N. Potanins Archiv; Literatur; Anhang; Faksimile-Kopien aus der Handschrift Maľcevs.

Hierbei handelt es sich um ein Wörterbuch, das Fedor Gavrilovič Maľcev 1903 in Turuchansk erstellt hatte und das in Sibirien in der Sammlung von G. N. Potanin in der Manuskriptabteilung der Universitätsbibliothek von Tomsk aufbewahrt wird. Die Herausgeber hatten vor Ort erhebliche Mühen, die Personaldaten des Turuchansker Bürgers F. Maľcev in Erfahrung zu bringen, und es ist in jeder Hinsicht wahrscheinlich – und dies ist bei Autoren solcher Aufzeichnungen zur damaligen Zeit außergewöhnlich, dass F. Maľcev selbst Selkupe war und demnach Selkupisch als Muttersprache beherrschte. Die Herausgeber haben sich zur Überprüfung der Wörterbuchaufzeichnungen im Dorf Farkovo aufgehalten. F. Maľcev benutzte die kyrillischen Schriftzeichen, mit denen es aber unmöglich war, alle phonetischen Nuancen wiederzugeben. Immerhin finden sich in seinem vor fast 100 Jahren verfassten Wörterbuch sowohl interessante Archaismen als auch dialektale Besonderheiten des Nordselkupischen, von denen man bisher keine Kenntnis hatte.